Совет применил к адвокату меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за высказывание в адрес доверителя угрозы причинения вреда здоровью с использованием обсценной лексики. Все остальные дисциплинарные обвинения признаны необоснованными

Совет Адвокатской палаты города Москвы… рассмотрел в закрытом заседании 30 января 2019 г. с участием адвоката И. …и заявителя жалобы К. дисциплинарное производство в отношении адвоката И. …возбужденное по жалобам К. от 12 июля 2018 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 7 ноября 2018 г. адвокатом И. допущено нарушение п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат обязан уважать права, честь и достоинство… доверителей… придерживаться манеры поведения… соответствующих деловому общению»), что выразилось в высказывании им по телефону 19 апреля 2018 г. угроз доверителю К., сопряженных с намерением причинить ему телесные повреждения и вред здоровью, сопровождавшихся обсценной лексикой («мудак», «подонок», п***т», мразь»).

В оставшейся части дисциплинарное производство признано Квалификационной комиссией подлежащим прекращению.

…Адвокат И. в заседание Совета 30 января 2019 г. явился, согласился в полном объеме с выводами Квалификационной комиссии.

Заявитель жалобы К. в заседание Совета 30 января 2019 г. явился, с выводами Квалификационной комиссии не согласился по мотивам, изложенным в ранее поданном письменном заявлении. Выступая в заседании Совета, заявитель жалобы К. повторно привел ранее изложенные в жалобе и заявлении доводы о недостойном, по его мнению, поведении адвоката И., умаляющем и порочащем честь и достоинство всего адвокатского сообщества, о нарушении адвокатом И. Кодекса профессиональной этики адвоката, о

неисполнении им принятых на себя обязательств по защите интересов доверителя, об оскорблении чести и достоинства доверителя и просил Совет применить в отношении адвоката И. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, установлены следующие фактические обстоятельства. 28 апреля 2017 г. заявитель К. обратился за юридической помощью к адвокату И., являющемуся членом и заместителем директора Адвокатского бюро «…». В тот же день между Адвокатским бюро «…» в лице заместителя директора, адвоката И. и К. был заключен договор на оказание юридической помощи. Данный договор был заключен в кафе, а не в офисе Адвокатского бюро «…». Предметом указанного договора являлось оказание адвокатом И. юридической помощи по защите прав К. в отношении Н. и ООО «…» о возврате денежных средств и ценных бумаг, принадлежащих на праве собственности К., находившихся на его счетах в ООО «…», которыми должна была управлять на основании выданной доверенности Н. 28 апреля 2017 г. заявитель К. внес… тысяч рублей в счет оплаты по договору об оказании юридической помощи от 28 апреля 2017 г. (копия квитанции № …). 25 января 2018 г. между Адвокатским бюро «…» в лице заместителя директора, адвоката И. и К. было подписано дополнительное соглашение к договору на оказание юридической помощи от 28 апреля 2017 г. Адвокат И. 15 августа 2017 г. получил от К. по акту приема-передачи документы для оказания правовой помощи. 15 ноября 2017 г. адвокатом И. было подано исковое заявление в П. районный суд города Москвы. Определением от 15 ноября 2017 г. судья П. районного суда С. возвратил исковое заявление на основании п. 4 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ в связи с тем, что к иску не был приложен оригинал доверенности представителя. Оригинал доверенности адвокат И. предъявил в экспедиции П. районного суда города Москвы при подаче иска. Адвокат И. обжаловал действия федерального судьи С. в Московском городском суде. В ответ на жалобу Московский городской суд сообщил, что судья С. уволен в декабре 2017 года. Исковое заявление было подано повторно, принято П. районным судом города Москвы и стало предметом рассмотрения по гражданскому делу… (истец К., ответчик Н.). Судебные заседания по делу состоялись 12 марта, 10 апреля, 17 мая, 19 июня, 1, 21 и 28 августа 2018 г. К. 20 апреля 2018 г. заявил о прекращении сотрудничества и потребовал у адвоката И. срочно передать адвокату Ко. доверенность на адвоката И., судебные запросы и другие документы по делу. Вечером того же дня адвокат И. передал Ко. оригинал доверенности на представление интересов К., судебные запросы и другие документы.

21 июля 2017 г. между Адвокатским бюро «…» в лице заместителя директора, адвоката И. и К. был заключен договор на оказание юридической помощи. Предметом данного договора было оказание юридической помощи по защите прав доверителя в правоохранительных органах по вопросу о возврате денежных средств, переданных Л. (М.) при заключении договора долевого участия… от 25 декабря 2008 г., а также по договору займа от 20 ноября

2008 г. К. 21 июля 2017 г. произвел оплату вознаграждения адвоката в размере… тысяч рублей. 5 октября 2017 г. адвокатом И. в интересах К. было направлено заявление о преступлении в отношении Л. (М.) в прокуратуру… административного округа города Москвы. 9 октября 2017 г. это же заявление К. отправил посредством почтовой связи в … межрайонную прокуратуру… административного округа города Москвы. 1 декабря 2017 г. К. получил по почте копию постановления об отказе в возбуждении уголовного дела от 7 ноября 2017 г. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела было вынесено по результатам проверки материалов, зарегистрированных в КУЗСП Отдела МВД по… району города Москвы 1 ноября 2017 г. за № 43… Данное постановление было обжаловано. 12 февраля 2018 г. К. получил по почте второй ответ из Отдела МВД по… району города Москвы, а именно постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, датированное 29 декабря 2017 г., по материалу, зарегистрированному КУЗСП 22 декабря 2017 г. за № 49…

29 декабря 2017 г. между Адвокатским бюро «…» в лице заместителя директора, адвоката И. и К. был заключен договор на оказание юридической помощи. Предметом договора являлось оказание адвокатом юридической помощи по защите прав доверителя в споре с Н. о возврате денежных средств, находившихся на счете доверителя в АБ «Б.», где Н. должна была представлять интересы К. и управлять в его интересах на основании доверенности от 18 ноября 2012 г., но своих обязательств не исполнила. Денежные средства по договору от 29 декабря 2017 г. были получены адвокатом И. 25 января 2018 г. (квитанция № …). 14 марта 2018 г. исковое заявление было принято к производству П. районного суда города Москвы… По указанному делу состоялись судебные заседания 16 апреля, 14 мая и 14 июня 2018 г.

Не ранее 9 апреля 2018 г. между адвокатом И. и К. произошел личный конфликт, вызванный звонком К. на мобильный телефон супруги адвоката И., находившейся в этот момент в больнице, с претензиями в адрес адвоката. Адвокат И. написал К. смс-сообщение: «Не надо больше звонить моей жене». Несмотря на это, К. опять позвонил жене адвоката И., после чего адвокат И. позвонил К., и 19 апреля 2018 г. между ними состоялся резкий разговор на повышенных тонах с переходом «на личности» и с использованием адвокатом И. обсценной лексики.

Заявитель жалобы К. обвинил адвоката И. в заключении договора об оказании юридической помощи вне офиса адвокатского образования, в неисполнении обязательств по заключенным договорам оказания юридической помощи, в неявке в судебные заседания, в разглашении сведений, составляющих адвокатскую тайну, в невозвращении документов, полученных от доверителя, в оскорблении и угрозах в адрес доверителя.

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о нарушении адвокатом И. требований п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в высказывании им по телефону 19 апреля 2018 г. угроз доверителю К., сопряженных с намерением причинить ему телесные повреждения и вред здоровью, сопровождавшихся обсценной лексикой. Адвокат И. данный факт не оспаривал.

…В соответствии с п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан «Уважать права, честь и достоинство лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи, доверителей… придерживаться манеры поведения… соответствующих деловому общению». Таким образом, высказывание угроз доверителю, сопряженных с намерением причинить телесные повреждения и вред здоровью доверителя, с использованием обсценной лексики недопустимо и образует нарушение указанного требования профессиональной этики адвоката. При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката И. опровергнутой, а его вину в указанном нарушении установленной.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката И. за допущенное нарушение, Совет принимает во внимание, что оно было совершено умышленно, однако он учитывает, что инициатором конфликта являлся доверитель К., который позвонил жене адвоката И., находившейся в родильном доме в связи с беременностью, и высказал ей в адрес адвоката И. претензии и оскорбления, что повлекло за собой негативные последствия для здоровья жены. Последующие действия адвоката И., образующие дисциплинарное нарушение, явились реакцией на эти действия К. Совет также учитывает, что адвокат И. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался, нарушение признал. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату И. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованиям соразмерности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Одновременно с этим Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии о необходимости прекращения в оставшейся части настоящего дисциплинарного производства вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

В части обвинений К. в нарушении адвокатом И. норм законодательства об адвокатуре в связи с заключением договоров на оказание юридической помощи в кафе Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии, а именно: «…особенность осуществления адвокатской деятельности требует от адвоката проведения переговоров и оформления договорных отношений с доверителем в комфортных деловых условиях, обеспечивающих конфиденциальность общения и спокойное принятие решений. Как правило, такие условия достигаются при поведении переговоров в офисных помещениях или специально оборудованных комнатах переговоров. Между тем, учитывая размеры города Москвы, Квалификационная комиссия констатирует, что далеко не всегда адвокат и доверитель имеют возможность встретиться в офисном помещении адвоката и обсудить детали оказания юридической помощи и оформления договорных отношений». Таким образом, сам по себе факт общения между заявителем К. и адвокатом И. в кафе и

оформления в нем договорных отношений не может свидетельствовать о нарушении последним законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации.

В части дисциплинарных обвинений в неявке адвоката И. в судебные заседания П. районного суда города Москвы по делу № 02-20… 17 мая, 19 и 28 июня, 21 и 28 августа 2018 г., а также в судебные заседания того же суда по делу № 02-23… 14 мая и 14 июня 2018 г., в необжаловании судебных актов по указанным делам, неполучении сведений о результатах обжалования судебных актов, непередаче документов, полученных от доверителя, Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии об отсутствии у адвоката И. обязанности по явке в указанные судебные заседания и отсутствии у него в указанный период полномочий (доверенности) на представление интересов заявителя К.

Так, Квалификационной комиссией установлено, что 20 апреля 2018 г. доверитель К. заявил адвокату И. о прекращении сотрудничества с ним и потребовал срочно передать доверенность на представление его интересов в суде. В обоснование своих доводов адвокат И. сослался на смс-сообщение К. следующего содержания: «Е. позвонит в течение часа! Прошу подготовить к передаче весь комплект документов по судам, включая доверенность от 2018 г.!».

Участники дисциплинарного производства не оспаривали то обстоятельство, что вечером 20 апреля 2018 г. адвокат И. по поручению доверителя К. передал своей коллеге, адвокату Ко., пакет документов. При этом адвокат И. указывает на то, что 20 апреля 2018 г. он передал адвокату Ко. полный пакет документов, включая доверенность на право представления интересов К. в судах. В свою очередь К. не представил доказательств, опровергающих указанное обстоятельство. Более того, заявитель К., утверждая, что адвокат И. передал ему не все документы, в своей жалобе не указывает на то, какие же именно документы были удержаны адвокатом И.

При таких обстоятельствах Совет считает указанные выше доводы адвоката И. не опровергнутыми и признает установленным, что доверитель К. 20 апреля 2018 г. вне разумных сомнений изъявил свою волю прекратить действие соглашений об оказании юридической помощи с адвокатом И., в подтверждение чего потребовал возвращения адвокатом доверителю доверенности на право представления его интересов в судах. Данное волеизъявление доверителя было исполнено адвокатом И. В связи с этим Квалификационная комиссия пришла к обоснованному выводу о том, что после 20 апреля 2018 г. адвокат И. не имел ни обязанности, ни полномочий представлять интересы К. в судебных заседаниях П. районного суда города Москвы, а его неявка в указанные выше судебные заседания была именно этим обстоятельством. По этим же причинам адвокат И. не должен был после 20 апреля 2018 г. получать сведения в П. районном суде города Москвы о результатах подачи апелляционной жалобы по делу № 02-23… Приведенные доводы также свидетельствуют об отсутствии нарушений в действиях адвоката И. при возвращении документов доверителю К. Сам по себе факт отсутствия акта приема

передачи-документов не может свидетельствовать о том, что адвокат И. удерживает у себя «подлинники важнейших документов», наименования которых заявитель даже не указывает.

В части дисциплинарных обвинений в отказе адвоката И. направлять судебные запросы и в допущении адвокатом И. «существенных ошибок» в этих запросах Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что направление судебных запросов адресатам является прерогативой суда, принявшего соответствующее решение. Существующий обычай делового оборота содействовать суду в направлении судебных запросов не может свидетельствовать о том, что на адвоката возлагается безусловная обязанность за свой счет или своими силами обеспечить получение адресатами судебных запросов. Направление запросов является техническим действием, не требующим специальных познаний в сфере юриспруденции. В связи с этим направление судебных запросов не может рассматриваться как составная часть оказания юридической помощи, если об этом прямо не указано в соглашении об оказании юридической помощи. Применительно к допущенным «существенным ошибкам» в судебных запросах (неверное указание адресов, наименований, форм и т.п.), …претензии к их содержанию не могут быть предъявлены адвокату И. Автором судебных запросов является соответствующий суд, принявший решение об их направлении адресатам. Поэтому на адвоката не может быть возложена ответственность за допущенные судом ошибки.

В части дисциплинарных обвинений в нарушении сроков исполнения поручений доверителя (затягивание сроков подготовки исковых заявлений и ненадлежащее оформление исковых заявлений, что повлекло их возвращение) Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии о том, что заявителем К. не опровергнуты доводы адвоката И. о том, что задержки в передаче подготовленных исковых заявлений были обусловлены не нарушением сроков их подготовки, а просьбой самого доверителя К. направить их позже по различным причинам, в том числе, в связи с отбыванием уголовного наказания. Так, адвокат И. указал, что нарушение сроков подачи заявления о преступлении было обусловлено не его волокитой при подготовке, а просьбой К. отложить подачу заявления до 24 сентября 2017 г., даты окончания отбывания им наказания в виде исправительных работ за совершение преступления. Каких-либо доказательств, опровергающих этот довод адвоката И., заявитель К. не представил. При этом заявитель, предъявляя претензии к качеству оказания юридической помощи при подготовке исковых заявлений, не указывает, в чем конкретно выразилось неправильное указание количества ценных бумаг, счетов, других «существенных аспектов», какая позиция была выбрана адвокатом, и почему она была неправильной. Что же касается возвращения искового заявления от 15 ноября 2017 г., поданного в П. районный суд города Москвы, в связи с отсутствием доверенности, то адвокат И. пояснил, что к иску была приложена светокопия доверенности, а подлинник доверенности был предъявлен сотруднику экспедиции суда при подаче иска. Адвокат И. обжаловал решение федерального судьи С. в Московском городском суде. В ответ на жалобу Московский городской суд сообщил, что федеральный судья С. уволен в декабре 2017 года. Исковое заявление было подано повторно и принято П. районным судом города

Москвы. В связи с этим Совет не усматривает и в этой части нарушения адвокатом И. норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации.

В части дисциплинарного обвинения в отказе адвоката И. консультировать заявителя по вопросам законодательства и судебной практики при подготовке заявления о преступлении в отношении Л. (М.) Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что это обвинение не подтверждено доказательствами.

Полностью опровергнуто дисциплинарное обвинение в том, что адвокат И. «отказался поехать на личный прием к дежурному прокурору» в целях отмены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Как следует из приобщенных к материалам дисциплинарного производства светокопий документов, адвокат И. именно на личном приеме в… межрайонной прокуратуре города Москвы 2 марта 2018 г. подал жалобу на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 29 декабря 2017 г.

В части дисциплинарного обвинения в том, что на соглашении об оказании юридической помощи от 29 декабря 2017 г., заключенном между К. и Адвокатским бюро «…», отсутствует печать адвокатского образования, Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что указанное обвинение не соответствует требованиям закона, поскольку ст. 23 и 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не требуют на соглашении об оказании юридической помощи обязательного проставления печати адвокатского бюро.

То обстоятельство, что в ордере адвоката И. была допущена ошибка при указании даты заключения соглашения об оказании юридической помощи (вместо договора от 28 апреля 2017 г. был указан договор от 29 декабря 2017 г.), не свидетельствует о нарушении адвокатом И. требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации. Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что данная ошибка носит технический характер. Каких-либо правовых последствий из-за неправильного указания даты соглашения об оказании юридической помощи в ордере адвоката И. не имелось. Адвокат И. был допущен на основании указанного ордера к участию в деле и представлял интересы доверителя К. При этом законодательство не содержит положения, регламентирующего срок оформления ордера после заключения соглашения об оказании юридической помощи.

В части дисциплинарных обвинений, касавшихся нахождения адвоката И. в состоянии алкогольного опьянения при передаче документов 20 апреля 2018 г., отсутствия у него адвокатского досье (адвокатского производства), отказа адвоката И. от общения с доверителем К. по телефону и систематического переноса встреч с ним, самостоятельной подготовки доверителем искового заявления в П. районный суд города Москвы 15 ноября 2017 г., отказа адвоката И. в даче консультаций по соглашению об оказании юридической помощи от 29 декабря 2017 г., Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии и признает указанные дисциплинарные обвинения необоснованными, поскольку заявителем

не представлено каких-либо доказательств в их подтверждение.

В части дисциплинарного обвинения в неквалифицированном оказании адвокатом И. юридической помощи в связи с подготовкой исковых заявлений совместно с доверителем Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии об отсутствии нарушений, поскольку то обстоятельство, что исковое заявление в рамках исполнения обязательств по соглашению от 29 декабря 2017 г. было подготовлено адвокатом И. совместно с доверителем К., не может свидетельствовать о неквалифицированном оказании юридической помощи. Совет вслед за Квалификационной комиссией отмечает, что по некоторым делам исковые заявления могут быть квалифицированно подготовлены только в тесном взаимодействии с доверителями в отношении описания фактов или расчетов. Учитывая, что рассматриваемое исковое заявление напрямую касалось исчисления процентов, подлежащих взысканию с ответчика Н., то описанная в жалобе форма взаимодействия адвоката и до верителя при подготовке искового заявления является допустимой и оправданной.

В части дисциплинарного обвинения в том, что адвокат И. позволил себе высказывание относительно проблемы К. и поведения Н. в присутствии третьих лиц, а именно адвоката Ко., Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что указанное обвинение не нашло своего подтверждения. В материалах дисциплинарного производства, во-первых, отсутствуют достоверные доказательств этого факта, а, во-вторых, Квалификационной комиссией принято во внимание то обстоятельство, что адвокат Ко. являлась вторым адвокатом заявителя К., которая имела право на представление интересов последнего.

При указанных обстоятельствах Совет приходит к выводу, что презумпция добросовестности адвоката в части, касающейся вышеуказанных дисциплинарных обвинений не опровергнута, в связи с чем дисциплинарное производство в оставшейся части подлежит прекращению по основанию, предусмотренному подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката.